

НАЦИСТСКАЯ ПРОПАГАНДА АНТИСЕМИТИЗМА НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СССР В ТРАКТОВКЕ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: ДИКТАТ ДОКТРИНЫ И ТРЕБОВАНИЯ ПРАГМАТИКИ

Marina V. Dacišina

Docentė istorijos mokslų kandidatė
Rusijos valstybinio humanitarinio universiteto
Pasaulinės politikos ir tarptautinių santykių
katedra (Maskva)

El. paštas: ditrich@list.ru

Марина Викторовна Дацишина

Доцент, кандидат исторических наук
Кафедра мировой политики и
международных отношений Российского
государственного гуманитарного
университета (Москва)

Эл. почта: ditrich@list.ru

Статья посвящена сопоставлению различных интерпретаций нацистской пропаганды антисемитизма на временно оккупированных территориях СССР, предпринятых советской политической элитой. Автор анализирует, в каких случаях элитой выдвигались на передний план требования прагматики, в каких – доминирующей была политическая доктрина. В статье показано, как политическая доктрина начинает оказывать существенное влияние на интерпретацию ряда событий и приводит к их искажению в советской историографии.

Ключевые слова: *Нацистская пропаганда, антисемитизм, советский патриотизм, оккупированные советские территории, политическая доктрина, прагматика политической элиты.*

«Антисемитизм – это не еврейская проблема. Это – наша проблема».

Жан-Поль Сартр.

С первых дней войны против Советского Союза нацисты проводили последовательную политику уничтожения евреев на временно оккупированных советских территориях (далее ВОСТ – прим. автора), используя это и как метод устрашения остального населения оккупированных территорий, и как пропагандистскую уловку, скрывавшую истинные цели оккупации – уничтожения миллионов человек разных националь-

ностей и заселение территории СССР немецкими колонистами¹. В пропагандистских материалах нацистов, распространявшихся на ВОСТ, война против

¹ Генеральный план «Ост» предусматривал выселение в течение 30-ти лет около 31 млн. человек с территории Польши и западной части СССР (80–85% населения Польши, 65% – Западной Украины, 75% – Белоруссии, значительную часть населения Литвы, Латвии, Эстонии) и поселить на эти земли 10 млн. немцев. Оставшееся здесь население (по расчетам составителей плана – 15 млн. чел.) предполагалось постепенно онемечить и сократить путем проведения специальных мероприятий. Цит. по: *Дацишев В. И.* Стратегия Гитлера – путь к катастрофе, 1933–1945: ист. очерки, док. и материалы: в 4 т. Москва (М.): Наука, 2005, т. 3, с. 12.

СССР называлась не иначе как борьба с «иудо-большевизмом».

Пропагандистская и информационная война является едва ли не самой популярной темой.

Дискурсивное оружие стало в последнее время едва ли не самым основным предметом исследования многих ученых. Причем изучаются как современные информационные кампании, так и информационные войны, отнесенные во времени².

Мы также обращаемся к теме пропагандистской войны на временно оккупированных советских территориях в 1941–1944 г.г. В годы войны на временно оккупированных территориях осталось до 42% населения СССР, ежедневно подвергавшееся массовой идеологической обработке, причем последняя носила не только умозрительный характер, но и активно сочеталась с пропагандой действием.

Говоря о степени разработанности темы, стоит сказать, что вопросы нацистской пропаганды затрагивались как отечественными, так и зарубежными исследователями, начиная с периода Второй мировой войны.

В целом в отечественной историографии традиционно выделяют следующие периоды изучения проблемы нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях:

начало 1940-х–первая треть 1950-х;
вторая половина 1950-х–1980-е

годы;

с начала 1990-х годов по настоящее время.

Наибольшее количество работ появилось в последние 10–12 лет.

Это связано и с относительно большим доступом к архивным материалам, и с усиливающейся «войной памяти», когда отдельные события Великой Отечественной войны становятся важным элементом в современном информационном противоборстве. Остановимся подробнее на его характеристике. Этот период характеризуется, прежде всего, отказом от однозначной трактовки единства общества в целом и партии и общества в период Великой Отечественной войны. Именно в этой связи более детальным становится изучение проблемы психологического противостояния в годы Великой Отечественной войны.

Исследователи сначала продолжают оставаться в русле изучения нацистской пропаганды через призму партизанского движения и деятельности органов советской пропаганды³.

Значительным вкладом в разработку темы стали труды Ю. В. Басистова, В. А. Горелкина, Н. В. Дорониной, Б. Н. Ковалева, С. И. Филоненко, И. И. Широкоград. Они проводят глубокий научный анализ различных аспектов деятельности пропагандистского аппарата, центральной печати СССР в период Великой Отечественной войны, деятельности органов пропагандистской печати на советско-германском фронте⁴. Вопросы

³ Великая Отечественная война 1941–1945: Военно-исторические очерки: в 4-х томах. М., 1998; Всероссийская книга памяти, 1941–1945: Обзорный том. М., 1995, с. 457–494.

⁴ Печенкин А. А. Миф о превентивной войне. В сб. // Великая Отечественная война в оценках молодых. М., 1997, с. 53–66; Басистов Ю. В. Особый театр военных действий: Листовки на фронтах Второй мировой войны. Санкт-Петербург (СПб.), 1999; Горелкин В. А. Пропагандистская деятельность нацистской Германии среди военнослужащих Крас-

² Там же.

нацистской пропаганды затрагиваются в работах, посвященных СМЕРШ, советской контрразведки; а также особенностям психологической войны странами-союзницами в годы Второй мировой войны⁵.

Новый импульс в исследовании нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях был сделан учеными-историками в серии работ по коллаборационизму. Прежде всего, должен быть назван фундаментальный труд Михаила Ивановича Семиряги; в работах С. И. Дробязко дана оценка численности и деятельности национальных формирований по обе стороны фронта, т.е. национальных формирований и в составе Красной Армии, и в составе вермахта; к теме военно-политического коллаборационизма продолжают обращаться исследователи и на примерах отдельных регионов СССР – в январе 2010 г. Е. Н. Паниным была защищена докторская диссертация по теме: «Деятельность латышских национальных формирова-

ной Армии и населения временно оккупированных территорий СССР в период Великой Отечественной войны: 1941–1945: дисс... канд. ист. наук. Волгоград, 2003; *Доронина Н. В.* Нацистская пропаганда на оккупированных территориях Ставрополя и Кубани в 1942–1943 гг.: цели, особенности, крах.: дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2005; *Ковалев Б. Н.* Антифашистская борьба: анализ пропагандистского противостояния (1941–1944 гг.). На материалах временно оккупированной территории Северо-Запада РСФСР: дисс... канд. ист. наук. СПб, 1993; *Филоненко С. И., Филоненко Н. В.* Крах фашистского «нового порядка» на Верхнем Дону (июль 1942–февраль 1943). Воронеж, 2003; *Широкопад И. И.* Центральная периодическая печать СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): дис... докт. ист. наук. М., 2002.

⁵ *Крысько В. Г.* Секреты психологической войны (цели, задачи, методы, формы, опыт). Минск, 1999; «Смерш»: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003.

ний на территории СССР в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 г.–май 1945 г.)). Оформлению и «Русского освободительного движения» и созданию армии Власова посвятил свои работы А.В. Окорочков; Д. А. Жуков изучает использование профашистской прессы для работы с коллаборационистами, И. Г. Ермолов – военно-политический коллаборационизму на оккупированных территориях на примере отдельных регионов. Авторы рассматривают аппарат вербовки советских граждан в оккупационные органы власти, на службу в полицию и в РОА, анализируют феномен возникновения, формирования и развития прессы и пропагандистского аппарата русских коллаборационистов в годы Великой Отечественной войны. Частично рассматриваются вопросы организации школ пропагандистов для работы на временно оккупированных территориях. Определяются периоды наиболее активного сотрудничества с оккупантами, причины этого сотрудничества и идеологическая составляющая. Определяется численность национальных формирований, выступавших под знаменем нацистов, численность коллаборантов, сотрудничавших как в военных формированиях, полиции, в подразделениях вспомогательной охранной службы и батальонах вспомогательной полиции. Делается попытка ответить на вопрос, насколько население выступало с позиций коллаборационизма, благодаря воздействию нацистской пропаганды, насколько – благодаря собственным антисоветским настроениям. В рамках изучения проблем коллаборационизма наиболее разработанной остается тема военно-политического коллаборацио-

низма и деятельности А. А. Власова, власовцев и РОА⁶.

Постепенно открывающиеся с конца 90-х годов архивные фонды позволяют ряду материалов появляться в сборниках материалов из собраний Российского Государственного Архива Социально-политической истории (далее – РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), Центральный Архив Министерства Обороны (далее – ЦА МО), местных архивов; в них, с одной стороны, отражены советские пропагандистские материалы, с другой стороны, на косвенных источниках, показана эффективность проводившихся советской стороной пропагандистских мероприятий. Материалы этих сборников отражают вопросы, которые обсуждало население оккупированных территорий, степень вовлеченности населения в совместную деятельность созданными немцами администрациями. Важными документами являются опубликованные отчеты о проводившихся политзанятиях с населением только что освобожденных территорий политическими отделами воинских частей и перечнем

наиболее часто задававшихся вопросах. Данные отчеты являются важными, нередко единственными, свидетельствами о том, какие проблемы волновали жителей только что освобожденных территорий⁷. Именно по ним можно анализировать так называемые «следы действия», давать оценку эффективности нацистской пропаганды.

Отдельным предметом исследования становится печать на временно оккупированных территориях. Известный источниковед, специалист по истории журналистики и периодической печати, доктор исторических наук Л. А. Молчанов⁸ посвящает статью исследованию содержания профашистской прессы, выходящей на территории РСФСР. Вместе с тем, пресса рассмотрена сама по себе, статично, нет данных о реакции на отдельные материалы профашистской прессы со стороны местного населения. Л. А. Молчанов разделяет точку зрения, что о расовой теории нацистов газеты не писали и при этом вся русская коллаборационистская пресса 1941–1944 г.г. была антисемитской. В части отсутствия теоретических выкладок расовой теории, как это нацисты делали, например, в период борьбы за сознание нации в самой Германии в 1933–1939 г.г., мы мо-

⁶ Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000; Дробязко С. И. Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 г.г. М., 2004; Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России (1941–1944). М., 2004; Окорочков А. В. Антисоветские воинские формирования в годы второй мировой войны. М., 2000; Ермалов И. Г. Возникновение и развитие советского военно-политического коллаборационизма на оккупированных территориях СССР в 1941–1944 г.г.: дисс... канд. ист. наук. Тверь, 2005; Жуков Д. А. Власовцы и нацистская пропаганда. М., 2000. Колесник А. Грекопадение? Генерал Власов и его окружение. Харьков, 1991; Алиев К.-М. И. В зоне «Эдельвейса». М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2005.

⁷ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / Авторы-составители А. Я. Лившин, И. Б. Орлов. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007; Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 г.г. Рассекреченные документы. Книга первая. Краснодар, 2000.

⁸ Молчанов Л. А. Русская профашистская пресса на оккупированной территории СССР в 1941–1944 г.г. // Великая Отечественная война 1941–1945: Опыт изучения и преподавания. Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. М: РГТУ, 2005, с. 23–34.

жем согласиться. Однако сам яростный антисемитских дух всех профашистских изданий являлся свидетельством перевода теоретических выкладок расовой теории в практическую плоскость. Основной функцией любой пропаганды является перевод установок политического актора в плоскость практического применения членами социума. В профашистских газетах не было теоретических выкладок расовой теории, здесь сразу давалась практическая часть, с читателем проводилось «семинарское занятие», на котором социально чуждые элиминировались определенными метафорами, словесными ярлыками с тем, чтобы их физическое уничтожение было абсолютно оправдано и целесообразность такого уничтожения не вызвала никаких сомнений. Именно такое первично словесное умаление нацистские пропагандисты проводили и в Германии, с тем, чтобы общество лояльно относилось впоследствии к актам физического насилия в отношении представителей «низших рас». Л. А. Молчанов приходит к выводу, что несмотря на все старания русской профашистской прессы не удалось вызвать доверия в основной массе населения оккупированных областей СССР в немецко-фашистским агрессорам. С одной стороны, положение на фронтах и зверства оккупантов резко контрастировали с содержанием коллаборационистской прессы. С другой стороны, считает Л. А. Молчанов, активная агитация прессы советских партизан и подпольщиков, публицистической литературы, присылаемой из-за линии фронта, не позволяли коллаборационистским изданиям монополично влиять на общественное мнение».

Вместе с тем, далеко не на всей территории РСФСР влияние советской контрпропаганды было эффективным. Так, например, исследователь из Калмыкии А. Н. Басхиев⁹ отмечает, что после оккупации Калмыкии немецкие оккупационные части начинают издавать газеты на русском и калмыцком языках. А. Н. Басхиев отмечает, что газеты выходили бесперебойно и за период с августа 1942 г. по январь 1943 г. вышло 50 выпусков. При этом, продолжает А. Н. Басхиев, обком ВКП(б) Калмыцкой АССР совместно с политуправлением 28-й армии организовал выпуск «Вести с Родины», распространявшихся с самолетов и с помощью разведывательных групп; октября 1942 г. по январь 1943 г. вышло 7 номеров этой газеты.

Важно отметить, что деятельность нацистских пропагандистов нельзя рассматривать только в русле подсчета количества коллаборантов. Любая пропаганда, и нацистская в том числе, располагает результатом, удаленным во времени. Представляется важным учитывать это при оценке эффективности нацистской пропаганды.

Православная церковь занимала важную роль в пропагандистской программе нацистов на временно оккупированных территориях. Роль православной церкви и ее патриархов в рамках пропагандистской программы нацистов показана в широко известных работах М. В. Шкаровского и Д. В. Поспеловского¹⁰.

⁹ Басхиев А. Н. Германские оккупационные части на территории Калмыкии в августе 1942 – январе 1943 г.г. // Вторая мировая и Великая Отечественная война: актуальные проблемы социальной истории: Материалы международной конференции 28–31 мая 2002 года. Майкоп, 2002, с. 127–138.

¹⁰ Шкаровский М. В. Нацистская Германия и православная церковь. Материалы по истории цер-

Отказ от однопартийной системы на постсоветском пространстве приводит к переосмыслению роли партийных органов в период Великой Отечественной войны. Исследователи пытаются оценить роль ведомств государственного аппарата в политическом и идеологическом противостоянии с оккупационными войсками. Оценка роли органов безопасности и их вклада в идеологическое противостояние отражены в исследованиях об участии представителей органов внутренних дел и безопасности в партизанском движении на временно оккупированных территориях. Ряд авторов отмечает значительный вклад именно органов безопасности и внутренних дел в руководство подпольем на оккупированной территории. В исследованиях затрагиваются вопросы пропаганды «нового» порядка, вербовка кадров для работы в немецкой администрации, работа оккупантов с молодежью¹¹. Медленно открывающиеся архивы ФСБ РФ делают возможной публикацию сборников документов из собрания региональных, краевых и центрального архивов ФСБ. Опубликованные материалы архивной группы Академии ФСБ позволяют полнее отобразить реальную картину участия представителей органов внутренних дел и безопасности в

партизанском движении на временно оккупированных территориях¹².

Важным источником является корпус мемуарной литературы. Особенно хотелось бы выделить воспоминания очевидцев, чье детство и юность пришлось на период оккупации; воспоминания участников партизанского движения на временно оккупированных советских территориях¹³.

В рамках третьего периода ученые впервые обращаются к изучению исторической памяти, рассматривают процессы формирования и изменения представлений об историческом прошлом в сознании советского и постсоветского общества, а также влияние системы ценностей, сложившихся в результате войны, на социальное поведение людей. Впервые анализ влияния войны на психологию фронтового поколения был дан в работах Е. С. Сенявской. Влияние ожиданий военного периода на развитие в послевоенное время, а также

¹² Лубянка в дни битвы за Москву. Материалы органов госбезопасности СССР из ЦА ФСБ России. М., 2002; Материалы архивной группы Академии ФСБ РФ «Органы безопасности СССР в Великой Отечественной войне». Сб. документов. Накануне. Кн. 102. М., 1995; То же. Начало. М., 2000. Кн. 1–2; Кубань в годы Великой Отечественной войны. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3-х кн. Краснодар, 2000.

¹³ Дугин В. Будем живы, не помрем! Великая Отечественная война глазами воронежского подростка. Воронеж, 2009; Великая Отечественная война в воспоминаниях молодежи (Великая Отечественная война: в воспоминаниях педагогов-детей войны и студентов о ветеранах войны-своих родственниках): сб. статей / под ред. Ю. В. Манько, В. Ф. Цымлова. СПб., 2008; Дорога в бессмертие: Великая Отечественная война в воспоминаниях и рассказах партизан-нижегородцев / Сост. А. А. Бринский. Нижний Новгород, 2005; Под оккупацией в 1941–1944 гг. Статьи и воспоминания / А. С. Гогун, И. В. Грибков, К. Л. Таратухин, Т. С. Джолли, Р. И. Матвеева-Рацевич, Р. В. Полчанинов. М.: Посев, 2004.

кви. Книга 32. М.: Издательство Крутицкого Патриаршего Подворья, 2002; *Он же*. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 1999; *Поспеловский Д. В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1999.

¹¹ *Зайцев В. П.* Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны / В. П. Зайцев, В. В. Туков. Краснодар, 2007; *Попов А.* НКВД и партизанское движение. М., 2003 и др.

динамика изменения представлений о характере Великой Отечественной войны в сознании самого поколения фронтовиков, советского и постсоветского общества, настроения общества в зеркале фольклора, методы политической социализации в послевоенный период в целом стали предметом исследования Г. А. Бордюгова, Н. Д. Козлова, Д. Л. Бабиченко, О. В. Дружбы, Н. К. Форсовой, А. А. Червяковой, Е. Г. Тарасовой¹⁴. Важно в этой связи остановиться на замечании Ольги Владимировны Дружбы, заметившей, что на протяжении 90-х годов в отечественной историографии с достаточной степенью определенности происходило оформление двух направлений: историки, придерживающиеся идей о национальной самобытности и особом пути России, бесперспективности заимствования западных моделей развития, неприемлемости западного

опыта модернизации общества. В русле этой концепции лежит оправдание и высокой цены индустриализации, и жертв войны и цены Победы. Историки второй группы стремятся отрицать все, сделанное историками в советское время, стремятся создать картину «другой войны». В ней войну развязал Сталин, победа имеет формальный характер из-за чрезмерной цены за нее. В результате победы произошло укрепление сталинского режима. У создателей новой концепции вызывает сомнение отечественный характер войны после начала похода Красной Армии в Европу¹⁵.

В рамках третьего периода начаты исследования, позволяющие не только проследить судьбу репрессированных народов после насильственного переселения восточных немцев, чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, но и определить роль каждого народа и его отдельных представителей в войне с нацистской Германией, а также степенью вовлеченности в националистические военные формирования под эгидой нацистов и воздействию нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях¹⁶.

Самостоятельным предметом исследования в конце 90-х - начале 2000-х годов становится государственный ан-

¹⁴ Сенинская Е. С. Фронтовое поколение. 1941–1945. Историко-психологическое исследование. М., 1995; Сенинская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006; Бордюгов Г. А. Подвиг и обманутые надежды. М., 1991; Козлов Н. Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) СПб., 1995; Бабиченко Д. Л. Писатели и цензоры. Советская литература 40-х гг. под контролем ЦК. М., 1994; Дружба О. В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2000; Форсова Н. К. Духовный поворот в советской ментальности в условиях Великой Отечественной войны. Автореф. дис. канд. наук. Ростов-на-Дону, 2005; Червякова А. А. Власовское движение и массовое сознание в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дис. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2004; Тарасова Е. Г. Политическая социализация в СССР; идеологические основы и технологии воздействия на массовое сознание (1945–1953). Автореф. дис. канд. пед. наук. М., 2006; Фольклор Великой Отечественной войны; Сборник научных трудов. Тверь, 2005 и др.

¹⁵ Дружба О. В. Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов-на-Дону: Издательский центр ДГТУ, 2000, с. 170–171.

¹⁶ Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М., 2007; Малышева Е. Н. Народы Кавказа в представлениях немцев: крах «восточной политики» на Северном Кавказе (1942–1943). В кн.: Война. Народ. Победа: материалы международной научной конференции. Москва. 15–16 марта 2008, с. 307–332.

тисемитизм в СССР. Как известно, в декабре 1988г. Политбюро ЦК КПСС официально квалифицирует так называемое «Дело ЕАК (Еврейского Антифашистского Комитета – прим. автора) как преступление сталинизма. Последовавшие за этим открытия в рамках триумфа архивистов позволили исследователям изучать предмет, опираясь на источники. Безусловным базовым исследователем этого направления является Геннадий Васильевич Костырченко. Сначала он защищает докторскую диссертацию, затем становится автором широко известных работ, а также принимает активное участие в издании сборников документов, сотрудничая с фондом А. Яковлева¹⁷.

Итак, в рамках третьего периода отечественные исследователи рассматривают вопросы нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях сквозь призму: 1) истории партизанского движения и деятельности органов советской пропаганды; 2) советской печати в годы Великой Отечественной войны; 3) изучение численности и роли национальных формирований под эгидой гитлеровских войск; 4) историю Православной церкви и ее взаимодействия с оккупационными войсками; 5) деятельность коллаборантов; 6) определения масштабов военно-политического коллаборационизма и роли армии генерала А. А. Власова;

7) изменения массового сознания советского и постсоветского общества, оценку социальных ожиданий в ходе Великой Отечественной войны; 8) деятельность профашистской печати на временно оккупированных советских территориях; 9) роль органов внутренних дел, службы безопасности и контрразведки в идеологическом противостоянии на временно оккупированных советских территориях.

Очевидно, что исследование войны и оккупации в зеркале изменения общественного сознания и общественной психологии советских людей является едва ли не самым перспективным направлением исторических исследований. Влияние нацистской пропаганды на население временно оккупированных советских территорий, когда почти половина страны подвергалась воздействию нацистской пропаганды в условиях иногда успешной советской контрпропаганды, а иногда и в условиях ее отсутствия или малозначимого вызывает интерес и у зарубежных исследователей.

К теме изучения нацистской пропаганды внимательно относятся и в странах ближнего зарубежья.

В рамках советского периода историографии исследования во всех советских республиках в целом определялись одними и теми же этапами и направлениями исследований. С 90-х годов намечается ряд изменений. Поэтому нас будет интересовать период с начала 90-х годов по настоящее время.

Например, на Украине, как отмечают сами украинские историки, в освещении периода оккупации до сих пор остаются нераскрытые вопросы. Так,

¹⁷ Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. 784 с.; Он же (Составитель). Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М., 2005, 592 с.; Он же. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР и др.

исследовательница из Киева Вронская Тамара Васильевна на конференции 15–16 марта 2005 года «Война. Народ. Победа» отмечала, что в ноябре 2003 г. накануне 60-летия освобождения Киева от оккупации, историки оказались не готовы ответить на многие вопросы, связанные с оккупацией: была ли эффективна работа советского подполья в Киеве, какими были настроения киевлян в связи с войной; почему многие из них не эвакуировались; как жили люди во время оккупации и т.д.¹⁸ Интерес украинских ученых к теме пропаганды на временно оккупированных территориях приводит к более детальному изучению архивных материалов. Вслед за вышедшим в Москве в 1998 г. справочником «Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсслийтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии (1941–1942 г.г.)»¹⁹ в Киеве в 2006 году выходит фундаментальный справочник – указатель по киевскому, наиболее значительному из всех известных массивов документов Оперативного штаба министра Восточных территорий Альфреда Розенберга. Материалы Оперативного штаба Розенберга хранятся в Киеве, в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины и насчитывают более 150 тыс. документов. Опубликованный справочник дает возможность ориентироваться

в документах о нацистской деятельности не только в области культуры и науки на оккупированных территориях, но и в вопросах проведения нацистской пропаганды на ВОСТ²⁰.

Трудно спорить с тем, что историки на постсоветском пространстве испытывают определенный информационный голод и живут в определенном дефиците информации об исследованиях друг друга. Не секрет, что новые работы западных исследователей иногда мы читаем быстрее, чем исследования наших коллег из Ближнего Зарубежья. Будем надеяться, что это не станет устойчивой тенденцией.

Зарубежные исследователи также регулярно обращались к теме нацистской пропаганды и лично министра пропаганды Й. Геббельса, анализировали деятельность аппарата нацистской Германии внутри страны, а также за ее пределами. Учитывая значительную роль листовок в идеологическом противостоянии, К. Кирхнер в своем исследовании уделил им важное место. Широко известны 18 томов листовок периода Второй мировой войны, опубликованные К. Кирхнером. 10-й том содержит каталог листовок, распространявшихся на советско-германском фронте в 1941.

Частично деятельность нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях и деятельность нацистского пропагандистского аппарата затрагивается в серьезных работах Р. Геценштейна, М. Балфора,

¹⁸ Вронская Т. В. Столица Украины в годы Великой Отечественной войны // Война. Народ. Победа: материалы международной научной конференции. Москва. 15–16 марта 2005 года. М., 2008, с. 234–243.

¹⁹ «Картотека «Z» Оперативного штаба «Рейхсслийтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии (1941–1942 г.г.). М. 1998.

²⁰ Деятельность оперативного штаба рейхсслийтера Розенберга в оккупированной Европе в период Второй мировой войны / Справочник-указатель архивных документов из киевских собраний. Киев, 2006.

А. Даллина. В большинстве историографических обзоров на них делается почти ритуальная ссылка. Автор также следует этой традиции²¹.

Оценивая деятельность вермахта на оккупированных территориях, прежде всего его участие в экономическом разграблении СССР, проведении принудительных депортаций и участии в массовом терроре населения, восточно-германский историк Норберт Мюллер в своей книге «Вермахт и оккупация», написанной в ГДР в 1970 г. и вышедшей в СССР впервые в 1974 г. и впоследствии неоднократно переизданной, затрагивает некоторые сюжеты пропаганды на ВОСТ, Правда, он рассматривает ситуацию, прежде всего, в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии и уделяет большое внимание пропаганде в период поражений немецкой армии на Восточном фронте²².

С 60-х годов в западной историографии широкое распространение получила теория «упущенного русского шанса», суть которой заключается в том, что борьба советского народа объясняется только излишней жестокостью немецких оккупационных властей по отношению к мирным гражданам. Сре-

ди западной историографии поддержку получила и распространенная версия, что население временно оккупированных областей СССР якобы не имело никакого отношения к организации партизанского движения, что их участие в нем было пассивным и, более того, вопреки воле и коренным интересам²³.

Опубликованные так называемые застольные беседы Гитлера, расшифрованные дневники Й. Геббельса, а также мемуары ведущих членов нацистской партии и руководителей вермахта дают представление о ряде программных установок нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях. Проливают свет на реальные планы нацистов отношении оккупированных восточных территорий, показывают противоречивый характер принимавшихся решений в отношении населения оккупированных территорий, которые нередко напрямую зависели не только от ситуации на фронте, но и от персонального отношения конкретного партийного бонзы к текущим вопросам²⁴. Вместе с тем автор не считает оправданным практику выведения конкретных действий на оккупированных территориях, исходя из отдельных фраз, брошенных в узком кругу Гитлером.

²¹ *Kirchner K. Flugblattpropaganda im 2. Weltkrieg. Band 10. Flugblatt aus Deutschland 1941: Bibliographie, Katalog. Erlangen, 1987; Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер. Смоленск, 1996; Balfour Michael. Propaganda in war, 1939–1945 / Organizations, policies and publics in Britain and Germany. London, 1979; Dallin A. German Rule in Russia / 1941–1944 / A Study of Occupations Policies. New York; London, 1957.*

²² *Мюллер Н. Вермахт и оккупация. М., 2003. (Системе нацистской пропаганды на ВОСТ посвящен параграф 5 главы 3 – «Провал попыток укрепления оккупационного режима путем политической и социальной демагогии наряду с усилением массового террора».)*

²³ Подробнее см.: *Фролов М. И. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. в немецкой историографии: монография / М. И. Фролов. СПб., 2008, с. 97–105.*

²⁴ *Ржевская Е. Н. Геббельс. Портрет на фоне дневника. М., 2004; Агапов А. Б. Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М., 2005; Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера 1941–1942. Смоленск, 1998; Тревор Хью Рупер. Застольные беседы Гитлера. 1941–1944. М., 2004; Гандер Ф. Военные дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск 1939–1942 гг. М.: Воениздат, 1968–1971 и др.*

Даже в случае связи этих событий существовала многоуровневая медиация сообщений в каналах коммуникации, чтобы безапелляционно говорить о линейной зависимости между ними.

Интерес к социальной истории, закрепившийся в западной историографии в 70-х годах XX века и возникший в последнее время интерес к проблемам коллективной и индивидуальной памяти обусловил исследования интерпретаций событий войны в памяти непосредственных участников и свидетелей событий. К 60-летию Победы вышел совместный сборник российско-германский «Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа». Авторы обращаются к теме интерпретаций событий оккупации в сознании жителей ряда областей РСФСР и уделяют большое внимание свидетельствам негативного отношения местного населения к партизанам при более лояльном отношении к немецким войскам²⁵.

Важно знать оценки эффективности нацистской пропаганды, сделанные американскими специалистами в области психологической войны. Большинство из них обвиняет оккупационные войска в недальновидности и неиспользовании всех ресурсов на оккупированной территории из-за установок расовой теории. Они считают, что немцы использовали только жесткие средства и не смогли разбить единство между населением и руководством страны. Так, Даниэль Лернер²⁶ считает, что Красной Армии

повезло в одном аспекте – в чрезвычайной психологической недальновидности немцев при обращении с населением ВОСТ. По мнению Д. Лернера, на Украине и в Белоруссии у немцев были самые многообещающие возможности, т. к. многие люди были резко настроены против Советской власти и приветствовали немцев с открытыми объятиями как освободителей. Лернер сожалел, что «великая пропагандистская машина Геббельса едва была задействована и на самом деле была малоэффективна на всей захваченной с 1941 и 1942 годов русской территории». «Никакие украинские или русские передачи, предназначенные для местного населения, не использовали в должной мере и слабости, и недостатки Коммунистической партии и не играли на различиях между русским народом и его руководителями. Причина была довольно проста. Нацисты считали славян безграмотными недочеловеками, на которых не стоило тратить пропагандистские усилия. Если бы нацисты использовали в своих отношениях с украинцами более умную политику, то и результат мог бы быть совсем другим. Но возможности пропаганды не были использованы, и нацисты остались заложниками своего расового высокомерия»²⁷. На самом деле трудно согласиться с выводами Д. Лернера. Эффективность пропаганды была различной в зависимости от тех мишеней, которые она использовала. Более того, нацисты уже к концу 1941 г. понимают, что террор как единственное средство воздействия на население ВОСТ, не является эффективным. Именно в конце 1941–начале 1942 г.г. вызревает про-

²⁵ Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М., 2005.

²⁶ Лернер Даниэль. Психологическая война против Германии от момента высадки (день «Д») до победы в Европе // *Родс Э.* Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М.: Эксмо, 2008. 312 с.; с. 224.

²⁷ Там же.

грамма воздействия на население ВОСТ в рамках формирования «мы-сознания». Другое дело, что вопрос не в пропаганде, а в множественных уровнях компетенции на ВОСТ: усилия пропагандистов постоянно вступали в противоречие с деятельностью различных ведомств на оккупированной территории, которые сами не занимались программами информационного прикрытия (штаб «Ост», ведомство Ф. Заукеля, деятельность эйнзац-групп). Вместе с тем, мы показываем в своем исследовании, что ряд пропагандистских программ, к сожалению, были успешными и их воздействие проникало далеко за пределы зоны оккупации.

Тем более трудно согласиться с американскими исследователями, утверждающими, что «антисемитская и антибольшевистская пропаганда, служившая для внутреннего потребления», не была эффективной для воспроизведения за границу; что «ни перед войной, ни во время войны антисемитизм не являлся хорошим товаром на экспорт»²⁸. По мнению автора, антисемитизм, безусловно, был товаром на экспорт и для стран Восточной и Юго-Восточной Европы, и для ряда временно оккупированных территорий СССР, и даже для США. Как теперь известно, перед войной Геббельс потратил огромные суммы денег на организацию пропагандистских кампаний в США. Сами современники, прежде всего, товарищи Геббельса по нацистской партии и правительственные министры нацистской Германии, считали, что эта были просто выброшенные на ветер деньги. Однако сегодня известно

об опросе общественного мнения, проводившемся в США в 1939 г. Он включал вопрос, нужно ли с евреями обращаться так же, как с остальными американцами. Только 39% американцев ответило, что с евреями нужно обращаться так же, как со всеми остальными; около 10% – что евреев нужно депортировать из США; 54% – что евреи могут остаться в США только если закон будет отделять их от остального населения страны²⁹. Таким образом, абсолютное большинство американцев в 1939 г. разделяли антисемитские взгляды

Более того, и в США к концу войны антисемитизм начинает активно возрастать. 27 ноября 1945 г. об этом с болью писал известный немецкий писатель Томас Манн, в то время уже получивший гражданство США, чьи сыновья вступили в вооруженные силы США, в письме Альберту Эйнштейну, также эмигрировавшему в США из нацистской Германии и получившему гражданство США³⁰. Примечательно, что письмо о растущем антисемитизме было написано в 1945 г., т. е. после широко известной деятельность Еврейского Антифашистского Комитета, после многотысячных митингов, организованных Михоэлсом и публикации материалов об этнических чистках еврейского населения на ВОСТ.

Автор считает, что эффективность нацистской пропаганды антисемитизма некоторыми американскими исследователями оценивается односторонне.

²⁹ Секреты войны (Secrets of War). Документальный фильм в 26-ти сериях. Великобритания. 1998–2002. Серия 5. Тайна Холокоста. <http://rutube.ru/tracks/1424580.html>

³⁰ Манн Т. Художник и общество: статья и письма. Сборник. М.: Радуга, 1986, с. 307.

²⁸ Родс Э. Пропаганда. Плакаты, карикатуры и кинофильмы Второй мировой войны 1939–1945. М.: Эксмо, 2008, с. 33.

Таким образом, степень научной разработанности темы позволяет сделать вывод, что наиболее тщательно стали проблема нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях стала рассматриваться в последние 10–12 лет. Ученые ближнего и дальнего зарубежья также внесли свой вклад в изучение проблемы. Прделана значительная работа, введен широкий круг источников.

Вместе с тем, по словам остается ряд нерешенных задач. Перечислим основные из них:

1. Нет обобщающих работ по нацистской пропаганде на территории всех оккупированных областей. Нет работ сравнительного характера, где анализируются сходства и различия нацистской пропаганды в различных регионах СССР.

2. Наименее изученными остаются последующие этапы нацистской пропаганды (вторая половина 1942–1944 г.г.) и попытка формирования «мы-сознания», которые, по мнению автора, были достаточно успешными и вместе с мероприятиями социально-экономического характера позволили нацистам заручиться широким кругом поддержки населения временно оккупированных территорий.

3. Значительная часть исследований посвящена пропаганде с целью военно-политического сотрудничества и вступлению в РОА в 1943–1944 г.г. Вместе с тем степень воздействия нацистской пропаганды на местное население оккупированных территорий, которое не было вовлечено ни в деятельность армейских формирований, ни участвовало в партизанском движении, продолжает оставаться малоизученной.

4. Большинство исследователей сосредоточились на пропагандистской войне советских и нацистских пропагандистов непосредственно во время войны и в связи с войной (т. е. вопросы, касающиеся военных действий – захват и освобождение территорий, число убитых и пленных, количество захваченной техники. Вместе с тем, исследователи не рассматривают вопрос о степени вытеснения одних идеологических установок – другими; не затрагивают вопросы устойчивости пропагандистского воздействия по отдельным параметрам и его влияния на дальнейшие интерпретации событий. Например, ряд пропагандистских установок нацистов, **как миф о превентивном ударе**, использовались, начиная с начала Великой Отечественной войны, затем продолжил использоваться в период «холодной войны», а **установка на формирование «мы-сознания»**, своего рода Стокгольмского синдрома, когда партизаны назывались врагами и нацистов, и местного населения, продолжает существовать и сейчас. Устойчивым, на наш взгляд, оказался и двойной миф предательства «классовых идеалов», который вводят нацисты, используя идеологемы интернационализма: за помощь в войне, оказанную капиталистическими странами – США и Великобритания – последует расплата, необходимо будет поступиться либо независимостью, либо отказаться от социалистических принципов. В другой версии – они будут участниками следующей войны против СССР. Исследователи сознания советских людей в послевоенный период приходят к выводу, что степень неминуемой войны с США и Великобританией были достаточно высоки.

До сих пор малоизученна табуированная долгое время расовая и национальная политика нацистов на оккупированных территориях.

Важнейшей темой продолжает оставаться тема эффективности нацистской пропаганды³¹. На наш взгляд, нацистская пропаганда, особенно в части расовой ненависти и национального разъединения обеспечила с течением времени разрыв межнациональных взаимосвязей и стала миной замедленного действия, сработавшей спустя десятилетия и позволившей «раскрыть» страну по национальному признаку.

5. Кроме того, если до 90-х годов XX века превозносились успехи советской пропаганды, то сейчас абсолютизируется успех нацистской пропаганды, демонстрируется образ Геббельса.

Так, после опубликования на русском языке книги Курта Рисса о министре пропаганды Й. Геббельсе в интернет-сообществе специалистами в области PR-технологий стала активно обсуждаться деятельность Геббельса и призывы брать с него пример³².

Вместе с тем, большинство технологий были заимствованы нацистами и из арсенала британской, американской, и советской пропаганды. Дневники Геббельса красноречиво свидетельствуют о том, насколько скрупулезно он отслеживал опыт своих идеологических противников. Кроме того, пропагандистский аппарат нацистов, безусловно, допускал ряд ошибок, в том числе и на оккупированных территориях.

Важную роль сыграли также и противоречивость самой нацистской идеологии, и противоречия между ведомствами, которые курировали пропагандистскую политику на Востоке (ведомство Розенберга, ведомство Геббельса, вермахт, позже – пропагандисты РОА, частично – Министерство иностранных дел). Все это влияло на проведение пропагандистских мероприятий. Роль и степень этих противоречий пока не стали предметом серьезного исследования.

6. Нет сопоставления эффективности пропагандистских мероприятий в оккупированных районах СССР и европейских странах и США.

7. Нет исследований, в которых бы сравнивалась борьба за сознание внутри Германии в период 1933–1939 г.г. и на временно оккупированных советских территориях в 1941–1944 г.г.

Нет исследований, которые бы в параллели рассматривали опыт нацистов в борьбе за молодежь как на территории Германии, так и на территории оккупированных стран.

8. Не поднимаются вопросы ответственности во времени нацистской пропаганды и ее использование в «войнах памяти».

9. Особняком стоит вопрос о различии в трактовках нацистской пропаганды советской элитой для собственного населения и внешнего мира, а также влияние этих различий на последующую отечественную историографию.

Исходя из этого автор ставит целью попытаться ответить на последний вопрос.

Настоящая статья посвящена анализу того, как советская политическая элита интерпретирует сообщения о нацистской пропаганде на ВОСТ.

³¹ Статья автора под названием «Эффективность нацистской пропаганды на временно оккупированных советских территориях СССР» готовится к публикации.

³² <http://pr-maslennikov.livejournal.com/112291.html>.

Объектом статьи является нацистская пропаганда на временно оккупированных территориях СССР.

Предметом статьи является трактовка нацистской пропаганды советской политической элитой.

Автор сознательно в ряде случаев выходит за хронологические рамки темы.

Статья написана с привлечением широко круга источников и исследований монографического характера. Статья написана на базе архивных материалов. Основными источниками, стали фонды Российского государственного архива социально-политической истории: фонд 69 – Центральный Штаб Партизанского Движения (ЦШПД), именно здесь отложились переводы трофейных документов, захваченных у немецкой стороны, годовые подшивки коллаборационистских газет и журналов; фонд 625 – личный фонд руководителя ЦШПД Пантелеймона Кондратьевича Пономаренко (1902–1984 г.г.), где отложились оперативные донесения с оккупированной территории; фонд 17 – Центральный Комитет ЦК ВКП(б) и его 125 опись – «Управление пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б). 1938–1948 г.г.», где отложились документы о пропагандистских мероприятиях на оккупированной территории, противостояние нацистской и советской пропаганды.

Нацисты умело использовали стереотипы восприятия различных наций³³,

³³ Они сравнивали украинцев и русских, поляков и украинцев, латышей и русских, латгальцев и латышей и пр. Например, на территории Карело-Финской АССР, «во всех без исключения оккупированных районах проводилась фашистская националистическая политика, рассчитанная на разжигание вражды между финнами, карелами

и, разжигая их яростной пропагандой антисемитизма, сумели привлечь к акциям уничтожения небольшую часть местного населения. Однако оккупантам этого было недостаточно, поэтому они методично добивались моральной мобилизации всего населения оккупированных территорий СССР против предложенного нового врага.

Средства идеологии могут актуализировать определенные аспекты ментальности, но они в большей мере их обнажают, нежели создают. На оккупированных советских территориях преимущественно укореняются те лозунги нацистской пропаганды, которые находят почву в менталитете. Иначе говоря, ментальные структуры, укоренение которых в сознании общества происходило на протяжении длительного времени, явились важным фактором моральной мобилизации населения оккупированных советских территорий³⁴. Важно заметить, что во многом задача нацистской пропаганды была упрощена укреплявшейся государственной доктриной сталинского режима. Она исходила из возможности построения социализма в отдельно взятой стране и опиралась на парадигму государственного патриотизма. Он, в свою очередь, сменял пролетарский интернационализм первых лет Советской власти. Фактически это

и русскими. Для финнов и карел были введены повышенные нормы снабжения хлебом, предоставлено право выбора места жительства и другие привилегии». Записка П. К. Пономаренко о положении на оккупированной территории Карело-Финской АССР. Не позднее 1943 г. Б. п. *РГАСПИ*, ф. 625, оп. 1, д. 11, л. 180–181.

³⁴ *Дружба О. В.* Великая Отечественная война в сознании советского и постсоветского общества: динамика представлений об историческом прошлом. Ростов-на-Дону, 2000, с. 5–6.

было ответом режима Сталина вызову времени, когда среди трех идеологий, особенно остро соперничавших в 30-е годы XX века в мире, – национализма, коммунизма и либерализма, – национализм уверенно лидировал. Поражению государственного организма СССР новым системным заболеванием в немалой степени способствовало и сближение с нацистской Германией. Следует помнить об отличиях. В мононациональной Германии официальный антисемитизм был легитимно закреплен Нюрнбергскими законами (1935 г.) и позже – засекреченным принятием «окончательного решения» на Ванзейском совещании (1942 г.). В Советском Союзе он не мел легитимного статуса. Антисемитизм в СССР на практике выливался «в форсированный вариант ассимиляции, призванной ускорить естественный процесс, в том числе и путем репрессивных акций против деятелей еврейской культуры. Деятели культуры, еврейская интеллигенция вообще воспринимались сталинским режимом как главная преграда насильственной денационализации»³⁵.

Не следует также забывать о бытовом антисемитизме, традиционно активном в Украине, Прибалтике, Белоруссии и западных областях РСФСР, связанным, в первую очередь, с чертой оседлости для евреев в Российской империи и достаточно высокой плотностью еврейского населения. Наиболее неожиданным для нацистских пропагандистов оказалось то, что германский «ради-

кальный ассортимент» нашел полнейшее понимание только у тех восточноевропейских народов – украинцев, эстонцев, латышей, литовцев и до определенной степени у румын, – которых нацисты считали варварскими ордами «недочеловеков»³⁶.

Как воспринимается информация о зверствах нацистов в отношении еврейского населения в Москве? Рассмотрим продвижение информации о конкретной акции в отношении еврейского населения на примере Львовского погрома. В РГАСПИ находится письмо Ванды Василевской³⁷, датированное октябрем 1941 г. Оно адресовано заместителю руководителя Совинформбюро³⁸ С. А. Лозовскому³⁹ и пос-

³⁶ Ханна Арендт. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М.: Издательство «Европа», 2008, с. 232.

³⁷ Василевская Ванда Львовна (21.1.1905, Краков, Польша – 29. 7. 1964, Киев), писательница, трижды лауреат Сталинской премии (1943, 1946, 1952). В 1939 г. переехала в присоединенный к Украине Львов и приняла советское гражданство. В 1940 избрана депутатом Верховного Совета СССР. В 1941 вступила в ВКП(б). Автор трилогии «Песнь над водами» (1940–1951), в которой писала о борьбе поляков за национальную независимость. Ее книги, по отзывам критики, «обвинительный акт против капитализма в Польше». Во время Великой Отечественной войны работала агитатором в Политуправлении РККА.

³⁸ Совинформбюро – Советское информационное бюро (1941–1961 гг.) – информационно-пропагандистское ведомство в СССР, образованное при Наркомате иностранных дел СССР 24 июня 1941 года. В политико-идеологическом отношении оно было подчинено непосредственно ЦК ВКП(б). Основная задача Бюро заключалась в составлении сводок для радио, газет и журналов о положении на фронтах, работе тыла, о партизанском движении во время Великой Отечественной войны.

³⁹ Соломон Абрамович Лозовский (Дридзе – наст. фамилия), старый большевик, член РСДРП с 1901 года, был одним из основателей Еврейского антифашистского комитета. Участник революции 1905 года. После ареста бежал из ссылки и с 1909 по 1917

³⁵ Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: МФД: Материк, 2005, с. 6–7.

вящено событиям во Львове в июне 1941 г.⁴⁰

<...> 30 июня гитлеровские отряды вступили во Львов. Первыми жертвами стали евреи. В первый же день начались массовые аресты. Евреев выводили из домов, стреляли в шеренги. Резиновыми палками, ударами прикладов евреев погнали на место, где были похоронены немецкие шпионы, расстрелянные перед уходом советской власти из города. Затем арестованным приказали руками рыть могилы, мыть и очищать разлагавшиеся трупы. После <...> их приказали выкопать себе могилы. Ударами прикладов людей побросали в ямы, а затем закопали живьем <...>

1 июля был устроен погром под лозунгом «Бей евреев и поляков!» Ванда Василевская отмечала, что в акции принимали участие и городские жители. Евреев и поляков убивали на улице, разбивали им головы ломами, прикладами ружей, стреляли в животы, выбрасывали на мостовую из окон домов. Около 400 человек пали жертвами в первые дни погрома. Раненых окровавленных людей гнали по улицам под дикие и издеватель-

ские крики громил. Падающих добивали прикладами, топтали ногами.

На второй день была устроена выставка убитых в пассаже Гусмана. Рядами у стен домов лежали изуродованные трупы. Среди них преобладали женщины. Страшную «выставку» открыл труп молодой женщины с ребенком, проколотый в грудь штыком. Штык, пригвоздивший ребенка к матери, торчал в раме.

Но выставка произвела совершенно противоположное впечатление, нежели то, на что рассчитывали гитлеровцы. Она не заглянула низких инстинктов, а наоборот отрезвила даже те элементы, которых немцам в первый момент удалось использовать как своих помощников.

Город начал бурлить. Немецкие власти, не имевшие достаточно сильного гарнизона, переполошились. На 4-й день пребывания гитлеровцев во Львове были официально запрещены погромы. Это, конечно, не означало фактического их прекращения: окончились только массовые расправы на улицах. В дальнейшем людей убивали в помещениях исподтишка, но все также зверски.

В тот же четвертый день появилось гестапо. Начались плановые аресты. Они охватывали в первую очередь интеллигенцию, а затем передовых рабочих фабрик, работников военных учреждений, коммунальных предприятий и вообще всех, проявивших себя политически.

Людей арестовывали днем и ночью <...>. В Винникском лесу происходили массовые казни. За 4 недели расправ гестапо с населением во Львове погибло 6 тысяч жителей.

год жил во Франции и Швейцарии, где встречался с Лениным. После 1917 г. выдвигается по линии профсоюзов. В 1937 г. возглавляет Гослитиздат. В 1939 году стал заместителем наркома иностранных дел. Работу в НКВДе он совмещал с руководством Совинформбюро. С 1941 г. – заместитель, с 1945 г. – начальник Совинформбюро. Был близким другом Молотова и Полины Жемчужиной. Репрессирован по делу ЕАК.

⁴⁰ Письмо Ванды Василевской С. А. Лозовскому о событиях во Львове в июне 1941 г. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 17, оп. 125, л. 51, л. 31–41.

Массовые расправы не приостановили дальнейших издевок и надругательств над жителями города, Евреям было приказано убирать улицы голыми руками. Голыми руками надо было собирать стекла, доски, которыми после бомбежки, стрельбы и погромов были усеяны улицы. На улице Коперника девушка-полька осмелилась дать платок старой еврейке, ладони которой истекали кровью. Германский офицер подскочил и ударил девушку прикладом в грудь. Гестаповцы ходили по улицам и следили, чтобы никто не смел перевязывать раненых или дать им лоскутов полотна, кусок тряпки для перевязки порезанных стеклом рук <...>.

Многие подробности сообщения В. Василевской, несмотря на безусловное доверие к источнику сообщения со стороны органов политической пропаганды СССР, не стали достоянием гласности. Не секрет, что в начале войны значительная часть поступавшей в центр информации о зверствах гитлеровцев не попадала в каналы коммуникации внутри неоккупированной части СССР. Во многом это было продиктовано стремлением приуменьшить потери Красной Армии и мирного населения, не оглашать список оставленных городов⁴¹, не питать убеждение в непобедимости немецкой армии и слабости РККА, не усиливать панику среди мирного населения. В Совинформбюро было устойчивым мнение, что информация о звер-

ствах может больше фашистам; поэтому факты о зверствах нацистов необходимо использовать дозированно. Опасения по обнародованию информации о зверствах нацистов объяснялись тем, что они «не только не могут быть использованы нами (т. е. советской антифашистской пропагандой – прим. автора), но могут быть использованы врагом»⁴².

Современные исследователи считают, что реальное положение на фронтах и его трактовка Совинформбюро начинают совпадать только к весне 1944 г.⁴³

Что касалось информации об истреблении еврейского населения, то даже в случае попадания в канал коммуникации сведения о жертвах среди мирного населения подавалась с учетом идеологии. Во-первых, подчёркивалось, что главными жертвами гитлеровского террора становились коммунисты, комсомольцы, стахановцы и советские работники. Во-вторых, концепция «советского народа» не позволяла конкретизировать потери среди отдельных национальностей и этнических групп: патриотический энтузиазм в начавшейся борьбе с врагом проявляли «эстонские девушки» и «украинские колхозники», но погибали «мирные советские люди».

Именно это определило трактовку Совинформбюро событий во Львове:

«Заняв город, фашисты начали загонять в кинотеатры и клубы арестованных профсоюзных активистов, стахановцев, членов семей работников общественных организаций (выделе-

⁴¹ Это приводило к парадоксальным ситуациям, когда об освобождении РККА конкретного города сообщали, не сказав до этого, что он был оккупирован немцами. См. подробнее: Советское Информбюро. Правда и ложь. Авторы-составители: *Кормилицын С. В., Лысев А. В. М.*, 2010.

⁴² Из письма С. Лозовского Д. Мануильскому. Не позднее августа 1941 г. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 180, л. 27.

⁴³ Советское Информбюро..., с. 5.

но автором). В кино «Европа» фашисты согнали около 500 человек. Немецкий офицер потребовал от них, чтобы каждый в письменном виде назвал всех известных ему лиц, принимавших активное участие в общественной жизни. Из 500 человек **нашлось только шесть трусов (выделено автором)**, испугавшихся угроз фашистского офицера. Все остальные граждане ответили на угрозы гитлеровца презрительным молчанием. Тогда фашисты начали хватать каждого пятого и выводить на улицу. Не меньше 100 человек было расстреляно в ближайших дворах».

«<...> из пистолетов гестаповцы расстреляли **25 рабочих и служащих фабрики – членов фабкома и других активистов профсоюзной организации. Тридцать стахановок и активисток львовской швейной фабрики №1 были убиты штурмовиками ночью на квартирах (выделено автором)**. Пьяные немецкие солдаты <...> насиловали девушек и молодых женщин»⁴⁴.

Итак, в первую очередь погибают стахановки и профсоюзные работники, а этнические чистки евреев и поляков заменены свидетельством гибели торговых служащих. Таким образом, национальность заменяется профессиональной деятельностью. Пособничать нацистам согласились только шестеро местных жителей. Т. е. факт соучастия в репрессиях не отрицается, но сама его ничтожность должна служить вызовом предателям. «<...> Халецкий стал свидетелем мучительной казни львовских

торговых служащих. Их группу в 25 человек вывели на окраину Львова, заставили рыть себе могилу. Когда яма была вырыта, то арестованным связали руки и ноги и сбросили в яму. Затем были согнаны полтора десятка жителей и их заставили засыпать могилу. Из-под земли несколько минут доносились глухие стоны заживо погребенных, задыхающихся людей»⁴⁵.

<...> Беженцы <...> утверждают, что фашисты расстреляли и замучили не менее 6 000 жителей г. Львова»⁴⁶. Важно отметить, что не названы жертвы среди польского населения; активное участие СССР в уничтожении самостоятельности польского государства и проводившаяся в СССР в 1939–1941 гг. антипольская кампания в качестве информационного прикрытия внешнеполитической деятельности СССР, сделала бы такие пассажи совершенно непонятными для советской аудитории.

Показателен и заключительный пассаж контрпропаганды. Не секрет, что на оккупированных советских территориях нацисты создают новые ритуалы, в частности, ритуал захоронения или перезахоронения жертв репрессий НКВД. Процессии были отмечены в ряде оккупированных городов, они широко использовались нацистами в пропагандистских целях⁴⁷. Информационное прикрытие своих массовых убийств нацисты видели не только в разжигании антисемитизма среди местного населения, но и в намеренном нагнетании

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Зайцев В. П. Участие органов внутренних дел Кубани в битве за Кавказ в годы Великой Отечественной войны. Краснодар, 2007, с. 74–75.

⁴⁴ От Советского Информбюро. Утреннее сообщение 8 августа 1941 года. «Немецко-фашистские зверства во Львове». РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 48, л. 173–176.

информации о жертвах НКВД. «Пропаганда ужаса» НКВД должна была парализовать волю населения, убедить его, что любые зверства нацистов являются ничтожными по сравнению с масштабами репрессий советских органов безопасности.

В сообщении Совинформбюро говорилось: «<...> Фашистская пропаганда на весь мир протрезвонила о том, что немцы при занятии г. Львова нашли якобы доказательства «большевистских зверств» <...> чудовищные злодеяния, совершенные фашистами в первые дни их хозяйничанья в оккупированном городе, неопровержимо доказывают, что фантастические измышления гитлеровской пропаганды <...> были неуклюжей попыткой скрыть неслыханные зверства и надругательства над львовскими жителями, которые были учинены самими немецкими бандитами»⁴⁸.

Знало ли население неоккупированной части СССР о намерениях нацистов в отношении евреев накануне войны, т. е. до непосредственных событий на оккупированной советской территории?

1. В 30-е годы значительная часть советских произведений имела антифашистскую направленность. В 1938 г. на экраны страны были выпущены художественные фильмы «Профессор Мамлок», «Семья Опенгейм», «Болотные солдаты»⁴⁹ и др., живо рисовавшие по-

литику антисемитизма, проводившуюся молодым нацистским режимом внутри Германии. Картины были высоко оценены критикой и успешно прошли в кинотеатрах страны. Даже в рассказе для младшего школьного возраста Аркадия Гайдара «Голубая чашка» (закончена в 1935 г., впервые опубликована в 1936 г.) затрагивалась тема антисемитизма в нацистской Германии⁵⁰.

2. Вместе с тем, антифашистская пропаганда в СССР была прекращена с подписанием пакта Молотова–Риббентропа в августе 1939 г. С началом 1940 г., «в связи с новой международной обстановкой», как сформулировал Главный репертуарный комитет, были специально проанализированы все произведения искусства. В общей сложности было прослушано и просмотрено 13220 произведений. 4200 из них, где имелись антифашистские мотивы, были «отсеяны» и исполнять их более не разрешалось⁵¹.

экранизация романа Лиона Фейхтвангера. «Болотные солдаты» (другое название «Вальтер» / «Лагерь на болоте») («Мосфильм», 1938), режиссер Александр Мачерет, экранизация повести Ю. Олеши. Один из главных героев фильма, Вальтер, отправляется за лекарством для пожилой женщины в «еврейскую» аптеку; штурмовики избивают его и аптекаря и отправляют в концлагерь.

⁵⁰ Гайдар А. Собрание сочинений в трех томах. Том. 2. М.: Издательство «Правда», 1986. Аркадий Гайдар неоднократно обращается к теме антисемитизма, последовательно проводя мысль, что *большевик не может быть антисемитом*. В произведениях А. Гайдара отчетливо прослеживается идея пролетарского интернационализма. К доктрине государственного советского патриотизма она не имеет отношения. Здесь есть и существенный личный компонент. Под разными именами героев своих произведений он выводит своего друга юности Адольфа Гольдина, товарища Голикова по арзамасскому реальному училищу. На страницы гайдаровских книг он появляется под разными именами: Исайка Гольдин в «Четвертом блиндаже»; Иосыка Розенцвейг в «Военной Тайне»; Яшка Пуккерштейн в «Школе» и пр.

⁵¹ Дружба О. В. Проблемы войны в сознании со-

⁴⁸ От Советского Информбюро. Утреннее сообщение 8 августа 1941 года. «Немецко-фашистские зверства во Львове». РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, л. 48, л. 173–176.

⁴⁹ «Профессор Мамлок» («Ленфильм», 1938), режиссер Герберт Раппапорт, экранизация пьесы Фридриха Вольфа (оба эмигрировали из Германии в СССР). После показа в ССР с успехом прошел в США и Великобритании. «Семья Опенгейм» («Мосфильм», 1938), режиссер Григорий Рошаль,

3. Таким образом, население СССР еще до начала войны знало об антисемитизме нацистов. Однако степень опасности оценивалась им недостаточно. Очевидцы, наблюдавшие начало войны и реакции населения позже писали, что «отличительной чертой первых дней было неведение, странным образом смешанное с долгой подготовкой»⁵².

4. Не способствовали оценке реальной ситуации и быстро распространявшиеся с началом войны фантастические слухи. Так, 23 июня на московских заводах «Шарикоподшипник» и «Красный пролетарий» среди рабочих ходили слухи, что уже взяты Варшава и Кенигсберг, идет наступление на Румынию, а Риббентроп застрелился; при этом над Ленинградом красноармейцы якобы расстреляли прямо в воздухе 10 тысяч немецких парашютистов, не дав им приземлиться⁵³. Слухам одновременно и верили, и не верили. Отчасти известия о массовом нацистском терроре считали советской пропагандой, призванной укрепить сопротивляемость населения, отчасти – свойственными любой войне паникой. Немало способствовали орга-

низации такой паники роты пропаганды вермахта, активно работавшие в районах боевых действий, а также провокационные радиопередачики Геббельса⁵⁴. Передавать слухи было, в конце концов, небезопасно, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 года «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» предусматривал в отношении виновных наказание в виде тюремного заключения от 2-х до 5-ти лет, применялась также высшая мера – смертная казнь. Например, по данным НКВД Краснодарского края, в 1941–1942 г.г. самое большое количество дел приходилось на распространение ложных и контрреволюционных слухов; на втором месте (с большим отрывом) было нарушение светомаскировки, и только на третьем – уклонение от призыва⁵⁵.

5. Кроме того, на поведенческие стереотипы влияло традиционное восприятие немецкой нации как высококультурной⁵⁶, от которой невозможно ожидать бесчеловечных поступков.

ветского общества 30–50-х гг. XX в.: прогнозы, реальность, первый опыт исторического осмысления. Ростов-на-Дону, 2006, с. 58.

⁵² Гинзбург Л. Человек за письменным столом: Эссе. Из воспоминаний. Четыре повествования. Л.: Советский писатель, 1989, с. 518.

⁵³ Информационная записка о посещении ответственными контролерами КПК (Комиссии партийного контроля) некоторых предприятий Москвы товарищу М. Ф. Шкирятову. Не позднее 23 июня 1941 г. Б. п. РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 44, л. 70, 72. Слово «парашютист» было выбрано неслучайно. Вместе со словом «десант» оно использовалось в первые дни войны официальной советской пропагандой с целью подчеркнуть локальный и диверсионный характер военного конфликта с Германией. Осознание реальных масштабов войны наступит позже.

⁵⁴ Подробное см.: О कोरोков А. В. Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007, с. 23–128; Азанов А. Б. Дневники Йозефа Геббельса. Прелюдия «Барбароссы». М., 2002, с. 383.

⁵⁵ Зайцев. Указ. соч., с. 19.

⁵⁶ Илья Эренбург вспоминал, что «в начале войны у наших бойцов не только не было ненависти к врагу, в них жило некоторое уважение к немцам, связанное с преклонением перед внешней культурой. Это было результатом воспитания. В 20-е – 30-е годы любой советский школьник знал, каковы показатели культуры того или иного народа – густота железнодорожных сетей, количество автомашин, наличие передовой индустрии, распространенность образования, социальная гигиена. Во всем этом Германия занимала одно из первых мест». Цит. по: Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь: Избранные фрагменты. М., 2006, с. 367.

Причем такая трактовка была свойственна и части еврейского населения. Так, жители Воронежской области, пережившие оккупацию, вспоминали:

<...> с нами в одном доме еврейка квартиру занимала. Вся из себя такая образованная была. Помню, когда фронт начал к Воронежу подходить (лето 1942 г. – прим. автора), мы, соседи, ей говорили: «Уходите, уходите, на тот берег скорее, а не то неровен час, немцы придут – плохо Вам станет!»

А она нам в ответ этак снисходительно: «Да что Вы! Что Вы! Это же военно-политическая пропаганда, как вы можете этому верить!»

А какая ж там пропаганда? У нас, у многих уже, к тому времени мужья да сыновья с фронта повозвращались раненные да калеки. И в письмах они писали – те, кто из окружения выходил через еврейские местечки – рассказывали, что там творилось <...>.

Но она ни в какую: «Что вы! Как вы можете этому верить?! Немцы – это такая культурная нация. Они дали миру Бетховена, Гейне... – ну и еще кучу ихних гениев называла, значит. А как фашисты пришли, да ее увидели, спрашивают: «Юде?» – жид, значит, по-ихнему – так тут же ее и расстреляли <...>»⁵⁷. Показательно, что из западных областей СССР эвакуировалось от 25 до 50% еврейского населения. Например, из Одессы успели выехать около 33% еврейского населения⁵⁸.

⁵⁷ Подробнее см.: *Дугин В.* Будем живы, не помрем! Великая Отечественная война глазами воронежского подростка. Воронеж, 2009, с. 155.

⁵⁸ Еврейский антифашистский комитет в СССР,

6. Еще одной причиной неверия в зверства нацистов являлось отсутствие воспоминаний участников и свидетелей Первой мировой и гражданской войн о том, что немцы отличались особой жестокостью к пленным, к мирному населению и какой-либо особой нетерпимостью к евреям. Были еще живы современники, которые помнили, что в германских лагерях для военнопленных после Первой мировой войны не было отмечено никаких дискриминационных мер по отношению к евреям или антисемитской пропаганды. Более того, существовали библиотеки и школы для взрослых на еврейском языке⁵⁹.

Н. Луман отмечал, даже во время радикальных структурных изменений общество не способно разом изменить то, что оно о себе знает и говорит. Новое должно быть воспринято в старых контекстах. «Именно в эпоху радикальной трансформации <...> следует принимать во внимание завесы традиций, которые могут демонтироваться лишь постепенно – в той мере, в какой становится явной дифференциация между прошлым и будущим актуальным миром»⁶⁰.

7. Недоверие вызывала... бесчеловечность самого геноцида. Показательно, что, когда информация о массовых

1941–1948 гг.: Документированная история. М., 1996, с. 156.

⁵⁹ Переписка Цетропленбеж о культурно-просветительской работе в лагерях для военнопленных. 1915–1916. Имеются документы на немецком языке (устройство библиотек, школ для взрослых с преподаванием на русском, еврейском, польском и литовском языках). Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), ф. 3333 (Цетропленбеж), оп. 11, д. 1.

⁶⁰ *Луман Н.* Самоописания. М.: Логос/Гнозис, 2009, с. 31.

уничтожениях евреев дошла до США, масштабы жестокости были настолько чудовищными, что некоторые просто отказывались верить как невероятным, невозможным, фантастическим событиям. Дочь Марлен Дитрих, эмигрировавшей в США и принявшей американское гражданство, Мария Рива, вспоминала, «мало-помалу слухи о невероятных зверствах нацистов дошли и сюда <...>. Тем не менее не было очевидцев и вещественных доказательств этого ада на земле, и люди не верили, что такое возможно»⁶¹.

8. Свою роль на общественные настроения населения сыграл и полугодовой мораторий на антигерманские выпады и смена советской пропагандой мишени врага, когда главной угрозой миру (и общим врагом СССР и Германии) оказались «англо-французские империалисты»⁶².

Итак, население внутри СССР находилось в режиме определенного дефицита информации о реальной политике нацистов в отношении еврейского населения на оккупированных советских территориях. Этому способствовал и минимум информации из официальных СМИ, и попытка опереться на опыт прошлых войн, и недоверие к слухам о масштабах репрессий, и завышенные ожидания в отношении высококультурной немецкой нации, и своеобразный мораторий на антифашистскую пропаганду внутри страны после подписания пакта Молотова–Риббентропа. Население не было готово знать всю правду, потому что она была слишком чудовищной, а

политическая элита не была готова ее полностью раскрыть.

В этом контексте два потока информации: официальная трактовка события со стороны правящей политической элиты и ожидания со стороны самого населения накладывались один на другой. Каналы коммуникации внутри страны были монополизированы. Сообщения о событиях, связанных с этническими чистками на оккупированных советских территориях, попадали в каналы коммуникации внутри страны в интерпретации доктрины «советский народ» («мирные советские люди»). В итоге достоверной картины положения еврейского населения на оккупированных территориях во внутренних каналах коммуникации не попадало⁶³.

Совсем другую интерпретацию получает сообщение об этнических чистках на оккупированных советских территориях при ее передаче во внешний канал коммуникации. Что было причинами иной трактовки? Прежде всего, стремление идеологически отстроиться от нацистов, с которыми в 1939 г. был подписан пакт и секретные протоколы к нему; была расчленена Польша; принимались совместные парады; производился обмен приветственными телеграммами. После проведения идеологической подготовки информация об

⁶¹ Рива М. Моя мать Марлен Дитрих: В 2 т. СПб., 2004, т. 2, с. 104.

⁶² Дружба. Указ. соч.

⁶³ Когда в 1943 г. И. Эренбург и В. Гроссман начали собирать материал для «Черной книги» о зверствах нацистов в отношении еврейского населения на оккупированных территориях, стремясь дать реальную картину событий, о которой умалчивали официальные СМИ, их упрекнули в том, что «Красной нитью по всей книге проводится мысль, что немцы грабили и уничтожали только евреев. У читателя невольно создается впечатление, что немцы восставали против СССР только с целью уничтожения евреев». Цит. по: www.alexanderyakovlev.org.

этнических чистках была использована как инструмент влияния на союзников и в отношении открытия Второго фронта, и в отношении привлечения в СССР финансовых и материальных ресурсов еврейской общины в США и в Великобритании. На втором этапе важную роль сыграло и стремление Сталина сблизиться с движением сионистов, чтобы впоследствии попытаться использовать его для программы советского влияния на Ближнем Востоке.

24 августа 1941 г. в Москве был организован еврейский митинг, который широко транслировался, *прежде всего*, для зарубежной аудитории. В обращении, принятом на митинге, отмечалось, что гитлеризм наметил программу полного безусловного уничтожения евреев всеми доступными фашистским палачам средствами. Деятельность созданного в конце 1941–начале 1942 г.г. Еврейского Антифашистского комитета (ЕАК) проходила под лозунгом спасения еврейской нации и СССР, как государства, где евреи нашли свою настоящую родину. Это неоднократно подчеркивалось в выступлениях для зарубежной аудитории⁶⁴.

Стремление повлиять на мировую еврейскую общественность прослеживается и в нотах народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова. Так, 6 января 1942 года в ноте «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских

территориях», направленной всем послам и посланникам стран, с которыми СССР имел дипломатические отношения, говорилось о событиях во Львове в трактовке Ванды Василевской: «30 июня гитлеровские бандиты вступили в город Львов и на другой же день устроили резню под лозунгом «бей евреев и поляков»⁶⁵. Далее в ноте говорилось, что «много массовых убийств совершено германскими оккупантами <...> в украинских городах. Причем эти кровавые казни особенно направлялись против безоружных и беззащитных евреев из трудящихся (выделено автором). По неполным данным в гор. Львове расстреляно не менее 6 000 человек, в Одессе – свыше 8 000 человек, в Каменец-Подольске расстреляно и повешено около 8 500 человек, в Днепропетровске расстреляно из пулеметов свыше 10 500 человек, в Мариуполе расстреляно более 3 000 местных жителей <...>»⁶⁶.

Широкая трансляция для зарубежной аудитории информации об этнических чистках на временно оккупированной территории СССР приносила свои плоды. В 1943 году была организована семимесячная поездка С. Михоэlsa⁶⁷

⁶⁵ Нота комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова «О повсеместных грабежах, разорении населения и чудовищных зверствах германских властей на захваченных ими советских территориях. 6 января 1942 года». Государственный Архив Российской Федерации (далее – ГА РФ), ф. 7445, оп. 1, л. 1671 (1), л. 30б.

⁶⁶ Там же, л. 4.

⁶⁷ Михоэls Соломон Михайлович (1890–1948) – советский еврейский театральный актёр и режиссёр, главный режиссёр Московского государственного еврейского театра (Московский ГОСЕТ), руководитель Еврейского антифашистского комитета. Народный артист СССР (1939), лауреат Сталинской премии (1946). Убит сотрудниками МГБ.

⁶⁴ Там же. В Соединенных Штатах был создан Еврейский совет по оказанию помощи России в войне во главе с А. Эйпштейном. В Палестине был учрежден общественный комитет по оказанию помощи СССР в его борьбе против фашизма, «Лига Виз» (от англ. victory – «победа»).

и И. Фефера⁶⁸ как официальных представителей советских евреев по США, Мексике, Канаде и Великобритании. Поездка имела колоссальный резонанс и стала триумфом своеобразной народной дипломатии. Незабываемые митинги в США, на которых Михозлс *потребовал* от правительства США открытия Второго фронта, произвели неизгладимое впечатление на американцев⁶⁹. Активную помощь ЕАК оказала супруга премьер-министра Великобритании, всемирно известный физик Альберт Эйнштейн, сам вынужденный эмигрировать из нацистской Германии⁷⁰ и др. Для советских вооруженных сил ЕАК собрал 16 миллионов долларов в США, 15 миллионов в Англии и Канаде, 1 миллион в Мексике, 750 тысяч в британской Палестине. В фонд ЕАК были

Убийство было замаскировано под дорожное происшествие.

⁶⁸ Фефер Ицек (Исаак) – самый политизированный из советских еврейских поэтов. Писал на идише. В апреле 1942 года стал членом (с 1945 – секретарём) Еврейского антифашистского комитета при Совинформбюро. Вероятно, был введен туда по решению НКВД. С апреля 1942 года – заместитель редактора издававшейся ЕАК газеты «Эйникайт» («Единение»). Тесно сотрудничал с НКВД, встречался с Л. П. Берией. После разгрома ЕАК был арестован одним из первых; не выдержав условий заключения, оговорил не только товарищей по комитету, но и себя. Сотрудничая со следствием, надеялся на особое к себе отношение. 12 августа 1952 г. был расстрелян по приговору специальной судебной коллегии по делу ЕАК вместе с другими деятелями комитета. Реабилитирован в 1955 году.

⁶⁹ Марк Шагал во время своей поездки в Москву в 1973 г. вспоминал: «Я видел постановки, которые ставили на площадях, на стадионах, на аренах цирка крупнейшие режиссеры нашего времени. Но такой спектакль, как антифашистский митинг в Нью-Йорке в 1943 г. мог поставить только Михозлс». Цит по: Гейзер М. М. Михозлс. М.: Молодая гвардия, 2004, с. 233.

⁷⁰ А.Эйнштейну приписывается афоризм. Что такое теория относительности? Это когда в Германии я еврей, а в США – немец.

переданы медицинское оборудование, санитарные машины, одежда. Деятельность ЕАК безусловно повлияла на открытие Второго фронта⁷¹.

Выводы. Трактовка советской политической элитой нацистской пропаганды антисемитизма на временно оккупированных советских территориях при трансляции внутри страны и за рубежом преследовала различные цели. Внутри страны режим оставался в рамках собственной доктрины; фактически реальные события были подчинены требованиям идеологемы «советский патриотизм». Это сыграло свою позитивную роль в условиях необходимости мобилизации общества на борьбу с врагом⁷². Вместе с тем, в годы войны и, особенно, с ее окончанием, доминанта доктрины над практикой проявлялось в постоянном сдвиге между опытом и его интерпретацией⁷³. Тезис единства советского народа – патриота, в том числе, единства правящей партии и народа, исключал серьезную оценку фактов коллаборационизма (в военной, карательно-полицейской и политико-идеологических областях) и закрывал до начала 90-х годов XX века опасную тему состава оккупационных администраций, нередко до 30% состоявших из коммунистов, комсомольцев и советс-

⁷¹ Подробнее см.: Костырченко Г. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. Москва, 2001.

⁷² Постепенно «советский народ-защитник советской Родины» трансформируется в «русский народ-народ освободитель». См. подробнее: *Нальте Х.-Х.* От советского патриотизма к российскому национализму. 1941–1942 // Германия и Россия в судьбе историка: Сборник статей, посвященный 90-летию Я. С. Драбкина. М., 2008. 399 с., с. 171–182.

⁷³ Лифтон Р. Д. Технология «промывки мозгов». СПб, 2005, с. 511.

ких работников⁷⁴. *Метафора монолита* советского народа обеспечивала лаконичную трактовку коллаборационистов-предателей как небольшой кучки отщепенцев, ударивших в спину советскому строю; антисемитизм как ключевой лозунг нацистской пропаганды на значительной части оккупированных советских территорий не мог получить в этом контексте взвешенной оценки⁷⁵. «Для внутреннего потребления» тема геноцида евреев была растворена в понятии жертв «мирных советских людей». Тем более, за пределами изучения оставались вопросы «готовности» советского населения к моральной мобилизации, предпринятой нацистами. Между тем, и в странах Восточной Европы, и на территории СССР нацисты достаточно успешно эксплуатировали лозунг бытового антисемитизма, нередко находя моральную поддержку у местного населения, и удачно прикрывая лозунгами уничтожения евреев свои планы в отношении нееврейского населения⁷⁶. К концу войны доктрина советского патриотизма оформилась окончательно. В ней, в соответствии с принципом этнической иерархии советских народов, евреи и другие экстерриториальные национальные меньшинства занимали

самые нижние места в своеобразной национальной пирамиде⁷⁷. Это влияло на восприятие прошлого, приводило к созданию псевдореальности, весьма характерной для любого режима, при котором все каналы коммуникации подчинены одной правящей элите. В итоге исторические события ретроспективно изменялись, полностью переписывались или игнорировались, чтобы сделать их совместимыми с доктринальной логикой. Деформация становилась особенно пагубной, когда ее искажения навязывались индивидуальной памяти⁷⁸. Оценка нацистской пропаганды антисемитизма на оккупированных советских территориях оказалась надежно цементированной в рамках официальной доктрины на долгие годы.

Во внешнеполитической трактовке нацистской пропаганды антисемитизма на временно оккупированных советских территориях режим Сталина руководствовался, прежде всего, прагматическими⁷⁹ соображениями и стремлением получить материальную и моральную поддержку еврейских общин в мире, опереться на их лоббистские возможности для влияния на правительства США и Великобритании с целью открытия Второго фронта. Последняя цель была успешно достигнута.

⁷⁴ Подробнее см.: *Ермолов И.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: Цетрполиграф, 2010.

⁷⁵ Свою роль в оценке антисемитизма нацистов сыграл и набиравший силу в СССР государственный антисемитизм. Подробнее см.: *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Междунар. отношения, 2001; Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева. М.: МФД.: Материк, 2005.

⁷⁶ *Арендт Х.* Указ. соч., с. 232.

⁷⁷ Государственный антисемитизм..., с. 5.

⁷⁸ *Лифтон.* Указ. соч., с. 511.

⁷⁹ Внешнеполитическая прагматика режима распространялась также на создание Всеславянского, Всеармянского, Всеисламского комитетов. Они также являлись инструментом влияния на зарубежную общественность.

THE NAZI PROPAGANDA OF ANTI-SEMITISM IN THE TEMPORARILY OCCUPIED TERRITORIES OF THE USSR IN THE INTERPRETATION OF THE SOVIET POLITICAL ELITE: DOCTRINAL DICTATES AND PRAGMATIC DEMANDS

Marina V. Datsishina

Summary

The matter of this article is how the Soviet political elite was interpreting the information on the Nazi propaganda in the temporarily occupied Soviet territories (TOST), varying the interpretations sent into the internal and the external communication channels. The focus of the article is the Nazi propaganda in the TOST, and its subject is the interpretation of the Nazi propaganda by the Soviet elite. In several cases, the author intentionally continues her analysis beyond the conventional periodisation.

The author gives a voluminous historiographical thesis on the Nazi propaganda in the TOST. In it, the so-called 'third period' (from the late 90s to the present day) is thoroughly examined. The author analyses studies by other researchers in the area. Some aspects previously un-touched by researchers are scrupulously studied. The author criticizes several American academics who have categorically depicted the Nazi propaganda as ineffective. In polemics with D. Lerner, author uses the data of a 1939 U.S. social study. The respondents had to answer whether the Jews deserved attention equal to that accorded to other Americans. Only 39% of participants gave a positive answer; 10% answered that the Jews should have been deported from the

U.S.; 54% were of the opinion that the Jews could have stayed in the U.S.A., if the law kept them apart from the other citizens. So, in 1939 the absolute majority of Americans tended to anti-Semitic views. The influence of anti-Semitism was rising in the U.S., even when WWII came to an end. The author finds the evidence for this tendency in the 1945 correspondence between Tomas Mann and Albert Einstein, cited in this article.

The Soviet political elite's interpretation of the Nazi anti-Semitic propaganda in the TOST pursued different goals. Inside the country, the regime stayed in the frames of the Soviet patriotism official doctrine. The reality was reflected through the prism of the ideological pattern of 'the Soviet people'. It had a positive influence on the Soviet society mobilization during the war.

In international contacts, Stalin's regime, on the contrary, actively used the information about the Jewish victims of the Nazism. The practice was inspired by pragmatic reasons, with the aim to get more moral and material support from the Jewish communities around the world, to use their lobbying potential to drive the U.S.A. and U.K. governments to open the second front. These aims were successfully reached by the Soviet regime.

SOVIETŲ POLITINIO ELITO NACIŲ ANTISEMITINĖS PROPAGANDOS LAIKINAI OKUPOUOSE SSRS TERITORIJOSE TRAKTUOTĖ: DOKTRINOS DIKTATAS IR PRAKTIKOS POREIKIAI

Marina V. Dacišina

Santrauka

Straipsnis skirtas analizuoti, kaip sovietų politinis elitas interpretavo vidaus ir užsienio komunikacijos kanalais gaunamus pranešimus apie nacių antisemitinę propagandą Rytuose.

Straipsnio objektas yra nacių propaganda laikinai okupuotose SSRS teritorijose, tema – sovietų politinio elito nacių propagandos traktuotė.

Autorė kartais sąmoningai išeina už temos chronologinių ribų.

Straipsnyje autorė pateikia plačią nacių propagandos okupuotose SSRS teritorijose istoriografinę apžvalgą, daug dėmesio skirdama vadinamajam trečiajam laikotarpiui (nuo XX a. paskutinio dešimtmečio iki mūsų laikų), analizuoja svarbiausias tyrimo kryptis, detaliau aptardama iki šiol mažiau tyrinėtus klausimus, kritikuoja kai kuriuos amerikiečių autorius, kurie griežtai neigiamai vertina nacių propagandos efektyvumą tiek okupuotose teritorijose, tiek

JAV. Polemizuodama su Danieliu Lerneriu, autorė remiasi 1939 m. JAV vykusios apklausos duomenimis. Apklauso tikslas – gauti atsakymą į klausimą, ar su žydais reikia elgtis kaip ir su kitais amerikiečiais. Tik 39 % amerikiečių atsakė, kad su žydais reikia elgtis kaip ir su likusiais; apie 10 % – kad žydus reikia deportuoti iš JAV; 54 % – kad žydai gali likti JAV tik tuo atveju, jeigu įstatymas juos atskirs nuo kitų krašto gyventojų. Taigi 1939 m. absoliučios daugumos amerikiečių pažiūros buvo antisemitinės. Antisemitizmas JAV stiprėjo ir po Antrojo pasaulinio karo. Tai liudija pateikiamas Tomo Mano ir Alberto Einšteino susirašinėjimas. Nacių antisemitinės propagandos laikinai okupuotose SSRS teritorijose sovietų politinio elito traktuotė transliacijoje šalies viduje ir už-

sieniui siekė skirtingų tikslų. Šalies viduje režimas laikėsi savos doktrinos. Faktiškai realūs įvykiai buvo pajungiami „sovietinio patriotizmo“ ideologemos reikalavimams. Tai atliko teigiamą vaidmenį, karo metais mobilizuojant sovietinę visuomenę.

Užsienio politikoje Stalino režimas nacių antisemitinę propagandą laikinai okupuotose sovietų teritorijose panaudojo žydų gyventojų aukų temai traktuoti. Čia režimas pirmiausia vadovavosi pragmatiniais sumetimais ir stengėsi gauti pasaulio žydų bendruomenių materialinę bei moralinę paramą, siekė remtis jų lobistinėmis galimybėmis paveikti JAV ir Didžiosios Britanijos vyriausybes, kad būtų atidarytas Antrasis frontas. Galop tikslas buvo sėkmingai pasiektas.

Vertė Sigitas Jeglevičius

Įteikta 2010 12 02

Parengta skelbti 2011 03 31

Вручено 02 12 2010

Подготовлено к печати 31 03 2011